Н.В. Мотрошилова

Удивительная актуальность идей Руссо о «Le Contrat Social»

Книга Ж.-Ж. Руссо «Du contrat social ou principes du droit politique» (1762 г.)* – многослойное, многоаспектное произведение. В данной статье внимание будет сосредоточено на темах, охватываемых первой частью заголовка, а не второй частью, которая вводит особую проблематику философии права и политики. Но и первая часть заголовка – в понимании Руссо – объемлет чрезвычайно широкий круг проблем и соответственно подразумевает отклик, прямой либо косвенный, на множество теорий общества начала Нового времени. Не покидает впечатление, что Руссо попытался вместить в это сочинение и обосновать в нем наиболее важные темы, понятия, подходы и решения прежде всего своей философии политики и права, но также и более общие принципы философии общества, учения о человеке, которые сложились в его учении к началу 60-х гг. XVIII в. Поэтому надо сразу определить предмет нашего особого интереса в данной статье: им будет именно *социально-контрактный аспект философских идей Руссо*, относительно которого есть намерение продемонстрировать его широту и удивительную, даже возрастающую по ходу истории актуальность. Вместе с тем, от более обширного – и с точки зрения автора трактата, и с любой современной позиции – слоя социальных идейно-теоретических предпосылок нельзя отвлечься. Без них невозможно понять ту целостность, которая в пространстве российского теоретического и конкретно-политического обсуждения получила (неточное, неадекватное терминам самого Руссо) суммарное название «общественный договор». О них, более общих принципи-

* Устоявшийся русский перевод заглавия трактата Ж.-Ж. Руссо (и соответствующих идей) – «Об общественном договоре или о принципах политического права» – я здесь не использую по причинам, которые будут разъяснены в нижеследующем тексте. Понятия «Le contrat social» (и «pacte social») – на основе объяснения их специфического смысла, как бы тонущего в (формально возможном) переводе словами «общественный договор», далее будут употребляться в оригинальном написании.

альных предпосылках, которые Руссо положил в основание последующих более конкретных расшифровок социо-контрактных аспектов, мы сначала и поведем наш разговор.

Общетеоретические и ценностные предпосылки идей о «le contrat (pacte) social»

Прежде чем начать анализ, надо сделать еще и то предуведомление относительно последующего рассмотрения, которое носит принципиальный для истории философии характер и опирается на моё твердое мнение: к концу XX и началу XXI в. стала особенно явной *необходимость нового прочтения произведений Руссо*, в том числе интересующего нас здесь трактата[1]. Помимо того, как раз в российском руссоведении потребность осуществить коренные преобразования стала особенно настоятельной. Хотя исследования произведений Руссо в России, в том числе в советское время, были достаточно развитыми и в чем-то добротными, будучи связаны с рядом честных имен руссоведов-литераторов, историков, философов, наконец, переводчиков произведений великого француза, всегда бывшего популярным в нашей стране[2], – несмотря на все это, тут накопились существенные изъяны, с которыми сегодня нельзя мириться. Из них один весьма печальный: восприятие текстов Руссо почти целиком зависело от их переводов на русский язык, которые подчас тоже были достаточно успешными. Но неблагоприятным для философии обстоятельством было то, что в них возобладали скорее литературно-художественные стандарты и требования (что было отчасти – но и то далеко не полностью – оправдано при переводе великих художественно-литературных произведений Руссо). Что касается философских текстов с их сложной и специальной терминологией, то содержательные тонкости перевода, если они порой и принимались во внимание, недостаточно глубоко осмысливались и почти не обсуждались в историко-философском сообществе. Итак, упускались из виду терминологические оттенки и тонкости, исторические предпосылки и контексты применения определенных терминов, и наоборот, отказа от них.

Вообще-то трудности перевода философских терминов с одного языка (здесь – с французского) на другие (в нашем случае – на рус-

[1] Далее будем для краткости называть его просто Трактатом.

[2] См. не устаревшую и сегодня блестящую статью Ю. Лотмана «Руссо и русская культура XVIII – начала XIX века» // *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 555–604.

ский) дело более чем обычное. Но и здесь, если взять в расчет российскую историческую ретроспективу, в советское время сначала произошла почти полная утрата качества (что только с 60–70-х годов начало постепенно и лишь в малой степени сглаживаться). И дело было не только в засилии кондовых идеологических клише (например, Руссо обвиняли в том, что он, высказывая негативные суждения о частной собственности, не ратовал за её полную и окончательную отмену), но также в утрате других составляющих дореволюционной историко-философской культуры, выражавшейся прежде всего в том факте, что до революции Руссо читали и тем более изучали на языке оригинала. После Октября получилось так, что философы, включая писавших о Руссо, часто не читали его работ на французском языке. Переводчики же, ориентируясь на реальную публику, как правило, не втягивали её в обсуждение оттенков оригинальной терминологии и текстологии, в трудные проблемы перевода. Так текстологический дискурс вокруг сочинений Руссо либо вообще исчез, либо не становился – как это требуется – необходимой, притом исходной составной частью руссоведческих философских исследований. Предлагаю, во имя исправления положения, по ходу анализа нашей темы вникать в то, как принципиальные тезисы и термины Руссо выглядят в оригинале и насколько адекватно существующие переводы передают их особое содержание. Во всяком случае, для современного историко-философского исследования, каковое мы стремимся предпринимать далее, это совершенно необходимое требование.

Вспомним о том, какими словами Руссо начинает свой трактат: «Я хочу исследовать, возможен ли в гражданском состоянии (das l'ordre civil) какой-либо принцип управления, основанного на законах и надежного (regle d'administration légetime et sûr), если принимать людей таковыми, как они [есть], а законы такими, как они могут быть»[3].

Сначала – о проблемно-содержательной стороне дела. Смысл общего тезиса достаточно ясен: Руссо, согласно его собственным словам, хочет *раскрыть и обосновать возможности легитимного и одновременно прочного управления обществом.* Это, с одной стороны,

[3] *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. С. 151. Оригинальный текст цитируется по изд.: *Rousseau J.-J.* Du contrat social ou Principles du droit politique / Introduction, commentaires et notes par *Gérard Mairet.* Paris: Librairie Générale française, 1996/2011. P. 67. Далее непосредственно в тексте моей статьи, когда цитируются оба текста, сначала дается страница по русскому переводу, затем (через черточку) по оригинальному тексту.

обобщение некоторых требований-предпосылок передовой теории и социальной практики предшествовавших веков Нового времени и первой половины XVIII ст., а с другой, главная тенденция, забота, ценностная установка-требование как наиболее продвинутых стран в современную эпоху, так и тех обществ, которые отстали в своем развитии, а ныне стремятся преодолеть или сократить дистанцию своего исторического запаздывания. И подчас делают это быстро и успешно. Иными словами, *теоретическая задача, поставленная Руссо в XVIII веке, не только не устарела, но сделалась более актуальной*, потому что – не утратив теоретического и ценностного значения – превратилась в социально-практическую норму-требование, норму-цель, впервые в истории приобретя *универсальный цивилизационный характер и смысл*. Правомерно утверждать: вопрос, поставленный в самом начале Трактата, не просто актуален, а *злободневен как никогда*.

В частности, он более остро актуален, более широко и глубоко понят, принят в своей нормативной актуальности, чем в то время, когда Руссо, скорее почувствовав подспудные движения истории, нежели наблюдая конкретные события и явления[4], и принимая во внимание реальный ход событий, осмыслил все это и настолько четко поставил, сформулировал вопрос о вызовах истории, что исправления вряд ли требуются. Ведь в эпоху Руссо к желаниям обеспечить средства прочной, долговременной (sûr) власти люди уже привыкли, но к задачам одновременного и непременного придания ей законности, т. е. «легитимности», им пришлось «привыкать» в будущем, притом осваивать это целые века. Вот тут, в связи с разбираемым тезисом, четко видна присущая великим философам способность и «выражать в мыслях» свою эпоху, и как бы заглядывать в будущее, на целые столетия вперёд формулируя ценности, цели, программы, проекты человеческой жизнедеятельности.

А вот другой яркий пример подобной способности Руссо давно стал хрестоматийным. В самом начале I главы I книги Трактата содержится знаменитая формула Руссо: «человек рожден быть свободным, но повсюду он в оковах» (L'homme est né libre,et partont il est dans les fers) (152/68). Судьба её появления и последующего восприятия противоречива. Руссо – не явно, не открытым текстом, но опреде-

[4] «...Я ищу права и основания (droit et raison) и не оспариваю фактов» (*Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре (I набросок) // *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. С. 318.

ленно для осведомленных современников противопоставляет свой тезис тоже хорошо известной тогда формуле Ж.Б. Боссюэ (1627–1704): «люди рождаются [только, в полном смысле] подданными» («Les hommes naissent tous sujets»). Было множество споров о том, кто из двух мыслителей прав. Одни говорили: фактически прав всё-таки Боссюэ, который хотя и срисовал свою формулу с феодальных порядков и зависимостей (люди как «*tout* sujets», т. е. в условиях крепостничества полностью зависимые от своих господ), но отразил и тот универсальный социальный факт, что при рождении и в дальнейшей жизни индивид всегда был и будет подданным каких-то лиц или институциональных единиц (например, того или иного государства). Другие возражали: каковы бы ни были конкретные факты такого рода, человек «по природе», т. е. и в силу рождения в этом мире, и по своей сущности *должен считаться существом свободным*; иначе говоря, в сущностно-нормативном рассуждении о человеке прав Руссо[5].

И прав настолько, что чем дальше движется история, тем сознательнее и шире человечество признает и будет признавать непреходящий смысл его лапидарной формулы. Вот почему в первой статье «Декларации прав человека и гражданина» как бы снабжена мандатом истинности и дополнена формула Руссо: «Люди рождаются свободными и равными в правах» («Les hommes naissent libres et égaux en droits»).

Для нас будет особенно важен тот факт, что документы, подобные процитированной «Декларации» (Руссо не дожил до её появления на свет), бывают основаны на долговременных процессах постепенного обретения широкой значимости высказанных в них принципов, а следовательно, могут служить если не «чистыми» примерами «le contrat social» (каковые, как мы увидим, по мысли Руссо вообще невозможны), то все же фактически становятся историческими подтверждениями «согласия» с ними широких слоев народа, о коем мы поведем речь во второй части статьи. Сейчас же подчеркнем: на таких образцах можно прослеживать движение социальной мысли, общественного сознания от формул отдельных философов масштаба Руссо к вели-

[5] Уместно и такое мнение: правы оба. Более того, Руссо в первой (сущностной) части своей краткой формулы оспаривает тезис Боссюэ, а во второй… реалистически соглашается с ним, ибо постоянные и повсеместные оковы (les fers) подразумевают также и изначальную зависимость отдельного человека от других лиц и от социальных инстанций, что и имел в виду Боссюэ, употребляя слово «sujets» (подданные).

ким документам целых эпох, которые на века становятся итогами и программными предпосылками Мысли и Действия огромных масс людей, устремленных в будущее.

Далее остановимся на фундаментальных принципах философии Руссо, которые ближе всего стоят к концепции «le contrat (pacte) gocial». Это, в частности, идеи, при формировании которых автор широко пользуется понятием «l'ordre social», в привычном русском переводе – «общественное состояние».

К вопросу о смысле понятия «l'ordre social»

Задержимся, к примеру, на следующем знаменитом высказывании Руссо (приведем его в стандартном, закрепившемся русском переводе – и с добавлением оригинального написания терминов); оно взято из I главы I книги «Du contrat social»: «Но общественное состояние (l'ordre social) – это священное право, которое служит основанием для всех остальных прав. Это право, однако, не является естественным, следовательно, оно основано на соглашениях (ne vient point de la nature; il est donc fondé sur des conventions)» (152/68).

Понятие «l'ordre social» – как и его русский перевод словами «общественное состояние» – укоренены в текстах Руссо (соответственно – в отечественном руссоведении). Устоявшиеся переводы и трактовки обладают частичной правомочностью – главным образом, в контекстах, в коих «l'ordre social» противопоставляется «естественному» состоянию, т. е. тому, которое «исходит от природы» (vient de la nature). Правда, эти оттенки противопоставления куда лучше передает французское понятие «l'etat» («l'etat social» и «l'etat de la nature»), которое у Руссо часто употребляется как синоним слова «l'ordre».

Но в контекстах, которые мы обсуждаем, требуется, на мой взгляд, вспомнить о других опорных значениях слова «l'ordre», которые более релевантны всему нашему обсуждению. Это целый слой смыслов, обозначающих *«социальный порядок» и различные уровни упорядоченности, приведения в порядок общественных дел*[6]. И тогда «l'ordre social» – не некое расплывчато обозначенное «общественное состояние», а такое, в котором основное – именно «социальный порядок». В этом случае затруднения и недоразумения, возникающие при устоявшемся переводе, устраняются, и все встает на свои места. То-

[6] См.: Большой французско-русский и русско-французский словарь. М.: Дом славянской книги, 2010. С. 318.

гда становится ясно, почему и как *«l'ordre social» есть «священное право» и базис для «остальных» социальных прав.* Ибо при отсутствии «l'ordre social», т. е. при фундаментальном социальном беспорядке-хаосе, нет гарантии, а иногда и какой бы то ни было возможности реализовать любое из конкретных социальных прав – начиная с права на жизнь и её защиту, на неприкосновенность жилища, земли и собственности и кончая многими правами и свободами духовно-нравственного плана. Итак, «l'ordre social», взятый как «священное право» – это именно право людей (оно же – требование к властям) на то, чтобы законными, а не диктаторскими мерами был наведен порядок в обществе, в государстве и управлении им – порядок, противоположный разрухе, всяческой анархии, разгулу безответственности и т. д. Формула Руссо, понятая в этом смысле (вполне отвечающем не только духу, но и *букве* оригинала), удивительно актуальна и особенна ценна на всех этапах развития крупных социальных организмов, когда рушится прежний, хотя бы относительный «l'ordre social», а новый порядок ещё не сложился. И когда «сам собой» складывается не просто бес-порядок, а анти-порядок, при коем неистово, безоглядно крушат все устои старого, причем в процессах его разрушения нисколько не заботятся о новых упорядочивающих законах, мерах, процедурах, социальных инстанциях, нормах (например, о неукоснительном, эффективном правоохранении) – словом, о том основном, что и подразумевает «l'ordre social». А тем самым, часто под ложно понятыми лозунгами свободы, повергают страну (или ряд стран) в состояние невыносимого хаоса, антицивилизационного варварства, повсеместной безответственности. Как это бывает, хорошо знаем мы, россияне конца XX и начала XXI в. Не забудем, что в руссоистской трактовке справедливый l'ordre social устанавливается лишь на основе права, а стало быть, не может отождествляться с «порядком» и жесткостью какой угодно диктатуры. И только в таком значении «социальный порядок» может быть, как того и требует Руссо, стать основанием «всех других прав». (Правда, в практических социальных делах проблемы поддержания и нарушения порядка – это не только общие гражданские принципы, которым надо следовать, но и совокупность сложившихся ситуационных констелляций, о коих предполагаются конкретные исследования, размышления, решения.)

Кстати, одно из важных значений французского слова «l'ordre» – дисциплина; стало быть, «l'ordre social» есть также и социальная дисциплина – опять-таки свойство жизни и поведения, почти исчезнувших в России наших дней, в том числе в наиболее опасных, при от-

сутствии дисциплины и ответственности чреватых массовыми жертвами форм жизнедеятельности.

Дополнительный факт: слова, производные от латинского «ordo», не просто распространены в главных европейских языках, но имеют сходное корневое написание (англ. «the ordre» нем. «die Ordnung») и заключают в себе (почти) идентичные смысловые блоки, о которых и шла речь. К отмеченному ранее добавим, что специфический блок обозначения «порядка» и дисциплины в этих языках – чисто армейские коннотации (строй, приказ, воинские подразделения и т. д.). Это наводит на мысль о возможном историческом происхождении слов, означающих порядок в широком смысле, именно от армейских, тоже очень древних реалий. И кстати, когда рушатся порядок и дисциплина, под все это подпадает и состояние армии, хаос и коррупция в которой производят особенно сильное негативное впечатление.

Упомяну еще об одном, существенном в обсуждаемом контексте, терминологическом оттенке. Когда Руссо называет l'ordre, порядок, «социальным» (social), т. е. использует слово, более чем привычное в наше время, то употребляет *один из самых новых терминов для своей эпохи*. И именно Руссо – вслед за физиократами – ввел его в более широкое употребление, о чем свидетельствуют авторитетные историки идей. Например, М. Лерой (Leroy) в книге «История идей во Франции» пишет, что это Ж.-Ж. Руссо, вслед за физиократами, уже в «Рассуждении о происхождении и основаниях неравенства между людьми» приучил читателей к употреблению слова «social»[7]. И как это случается на первых этапах разработки и применения новых понятий-терминов, Руссо не всегда отделяет их от более традиционных понятий. Так, если в прежнем словоупотреблении широко трактуемые прилагательные «моральный», «моральное» ещё вмещали в себя то, что впоследствии было отдано в ведение более общего понятия «социального» (так сначала было и у Руссо), то теперь он вновь и вновь употребляет слово «social» (также и в случаях l'ordre, le contrat, pact social) в наиболее широком смысле, объемлющем и моральный, и правовой и иные аспекты социальной регуляции.

Решающее значение для темы «le contrat (pacte) social» в обсуждаемой формуле имеет утверждение Руссо о том, что l'ordre social (понимаемое и как «общественное состояние», и как социальный порядок) в реальной истории возникает, существует, закрепляется не иначе, чем благодаря «соглашениям» (conventions). Встает терминологи-

[7] *Leroy M.* Histoire es idées social en France. P., 1946. P. 154 и далее.

ческий и проблемно-содержательный вопрос о связи и различии двух понятий, ключевых для теории, традиционно именуемой в России концепцией общественного договора. Первое, напомним, выражено словами «le contrat (pacte) social», а второе – словом «les conventions».

«Le contrat (pacte) social» и «les conventions»: проблемы понимания смысла и перевода

Существует сбивающее с толку различие в толковании слова «le contrat» (англ. the contract) в эпоху Руссо, как и в предшествующие века – и в наше время. Современное словоупотребление и в Европе, но сначала за океаном, в США, свело его значение на повседневный, бытовой уровень. «Контракт» стал обозначать договор о чем-то повседневном, обыденном, одноразовом – о приеме на работу, о выполнении человеком временных, дополнительных и частных обязанностей. Трудиться «по контракту» (а также и воевать) сегодня можно везде, в любой стране. А вот ещё за пару веков до XVIII ст. слово «le contrat» стало *фактически* означать базовое, уже в древнейшие века истории возникшее-де и позже преобразуемое, обновляемое, т. е. долговременное, трансисторическое *обще*социальное (т. е. самого широкого формата) соглашение членов общества о главных принципах и условиях их совместного проживания на земле вообще и в определенных её местах, а также о наиболее благоприятном взаимодействии людей и управлении социальными делами, в эпоху Руссо – предполагаемого легитимным и прочным. (Формулировка дана в терминах современной эпохи.) По этой причине я и сочла необходимым в *профессиональном разговоре* не пользоваться распространенным переводом («общественный договор») и напомнить, что именно слова «*le contrat (pacte) social*», а не слово «договор», соглашение (le convention) Руссо счел необходимым употребить в заголовке своего великого Трактата. К тому же «convention» в единственном и множественном числе широко употреблялось в тех же контекстах и чуть ли не рядом (но в новом смысле, о котором – несколько позже). Но я вполне понимаю, почему русские переводчики вплоть до середины XX в., имея в виду необычность для отечественных условий слова «контракт», за рубежом чаще всего употребляемого в обозначенном узком, повседневном смысле, а в России долгое время вообще мало распространенного, остановились именно на словах «общественный договор».

Существенные черты «le contrat (pacte) social» у Руссо

Теоретический продукт, в России привычно именуемый «общественным договором», а во Франции – буквально «социальным контрактом» (пактом), складывался не одно столетие, так что не Руссо впервые произвел его на свет. Но Руссо, приняв активное участие в коллективном историческом, теоретическом творчестве, должен был считаться с тем, что и своеобразный термин, и обобщаемые в нем реальные или требуемые, «дóлжные» черты социально-исторического развития, и уже накопившиеся суждения обо всем этом сплелись в некую причудливую целостность. Относительно неё были возможны два варианта действий теоретика – либо её игнорировать, либо исторический клубок распутывать, не пренебрегая традициями, но и не подпадая под влияние их профилирующих тенденций. Руссо предпочел второй путь, связав судьбу своей мысли с разработкой нового варианта теории «le contrat (pacte) social». В современном толковании сути этого руссоистского варианта накопились немалые трудности.

Первая из них, принявшая вид парадокса, выглядит так: с одной стороны, понятие «социальный контракт» (и его синоним «социальный пакт») к XVIII в. превратилось в широко употребительное там, где и когда, следуя Руссо или споря с ним, мыслили, заговаривали о *фундаментальных общественных делах*, проблемах. С другой стороны, трудно, если вообще возможно опереться на сколько-нибудь ясное и признанное *определение* того, что именно разумелось под этими терминами. А Руссо даже добавил новые узлы в клубок неясностей и затруднений. Так, он отказался признать «социальными контрактами» те соглашения, порою достаточно долговременные и опиравшиеся на акты, документы и т. д., которые другие мыслители с громкими для этой сферы именами (например, Пуффендорф) как раз считали примерами «le contrat social». Скажем, XVI глава III книги рассматриваемого труда Руссо называлась вполне ясно – «О том, что учреждение правительства не есть договор» (в оригинале снова – un contrat).

Хотя по некоторым линиям логики Руссо процедуры и акты учреждения того или иного правительства могли бы, по крайней мере в наиболее «чистых» случаях, считаться примерами «le contrat social», сам философ настаивает на том, что в таких «пактах» не соблюдаются важнейшие условия, без которых «социальный контракт» в чистом смысле этих слов немыслим. А именно: «по общественному договору (читай: в силу le contrat social) все граждане равны... И никто не имеет права требовать, чтобы другой сделал то, чего не сделал он

сам» (224/173). Между тем правительство предъявляет к гражданам государства именно такие требования. Ещё важнее для Руссо следующее: раз *le contrat social – это соглашение между равными*, то предположение, что соглашение с правительством есть вид такого контракта, означало бы, что народ-суверен «ставил бы над собой старшего» (Там же). (Впрочем, в этом нелегком для него вопросе Руссо не сводит концы с концами и порою впадает в непоследовательности.) Еще одно существенное соображение, обосновывающее обсуждаемый тезис Руссо: возможные соглашения с правительством – «акты частного характера» (Там же) и тем принципиально отличаются от всеобщности le contrat (pacte) social.

На этом особом примере видно, сколь жестко, неуступчиво Руссо стремится отличить, если не отделить *«социальный контракт» как нечто фундаментально общее*, во-первых, от многочисленных, пусть жизненно важных и честь по чести оформленных «частных актов», а во-вторых, от таких соглашений, в которых не соблюдалось бы положение о договоре равных с равными, т. е. о народе как единственном суверене. При этом Руссо отнюдь не утверждал, что подобных актов, соглашений между неравными не может быть. Как раз наоборот: он хорошо знал, что в реальной жизни доминируют именно частные договоренности, причем заключенные между заведомо неравными людьми и как бы закрепляющие их неравенство. Руссо постулирует, однако, что вход подобным «conventions» в особое «царство», именуемое «le contrat (pacte) social», начисто заказан.

Отсюда вырисовывается главное, что в понимании мыслителя характеризует «le contrat (pacte) social»: это такая *«сфера» общих, фундаментальных принципов или «вместилище» абстрактных, моделирующих требований-условий, которая никогда, нигде в истории не совпадала и не совпадет с какими-либо конвенциями конкретных этапов социального развития, тем более с одноразовыми договорными событиями.* В современной руссоведческой литературе по этому пункту установилось достаточно прочное согласие: «le contrat (pacte) social» в понимании Руссо (пусть оно и не выражено им самим ясно и строго дефинитивно) трактуется как понятие абстрактно-нормативное, обрисовывающее «образец», или, выражаясь нынешним языком, устанавливающим *фундаментальную для социальных отношений теоретическую модель.* Соглашаясь с этим суждением, добавлю: при подобных определениях и подходах данное понятие встраивается в ряд других общих и фундаментальных понятий социально-философской теории. Например, важнейшее для пары послед-

них веков и коренящееся в традиции, включая сочинения Руссо, *понятие правового государства* изначально не предполагает, что какое-то конкретное государственное образование, где в целом чтут законы и вообще-то следят за их соблюдением, могло быть в прошлом и сможет стать в будущем «чистым воплощением» абстрактно-нормативного образа, вырабатывавшегося на протяжении веков в теории и в социальных дебатах (в терминах Гегеля – совершенным государством, государством «по понятию»).

При таком подходе многие идеи и замечания Руссо о том, что́ *не является* примером, тем более воплощением, образцом «le contrat social», вполне резонны. Ибо они полностью оправданы при характеристиках и применениях этого общего, моделирующего теоретического понятия.

Однако в рассуждениях Руссо на исследуемую тему есть вторая сторона, делающая распутывание клубка имеющихся здесь сложностей и противоречий совсем нелёгким делом. Эта другая сторона парадоксальных руссоистских различений состоит в том, что «le contrat (pacte) social», тем не менее, провозглашается у Руссо тем *действенным* образцом, который как бы наличествовал в истории, простирая влияние уже и на древнейшие её этапы. В частности, он стал-де, согласно теории Руссо, как и ряда его предшественников, способом и ключевым моментом перехода от естественного состояния к общественному (гражданскому)[8]. И потому не один Руссо считал, что феномен «le contrat (pacte) social» должен оставаться и в какой-то мере всегда остается своеобразным компасом также и будущего развития человечества.

Как это ни покажется необычным, Руссо прав, когда утверждает идею о «чистой» нормативности «le contrat social», но прав и тогда, когда стремится раскрыть его своеобразную историческую действенность и релевантность.

Прежде чем обратиться к историческим аспектам, попытаемся резюмировать *сущностно-нормативные идеи*, наполняющие совокупное руссоистское понятие «социального контракта», т. е. обрисовать черты, неотъемлемые от внутреннего смысла этого понятия. Предварительно снова стоит отметить: поскольку у самого Руссо подобное дефинитивное подытожение где-то в одном месте разных текстов

[8] Вынуждена отвлечься здесь от вообще-то важного терминологического аспекта – от обрисовывания роли и специфики понятия «civil» (гражданский) как в истории мысли вообще, так и в эпоху Руссо.

найти невозможно, поскольку приходится осуществить собственную суммирующую реконструкцию.

Представляется ясным (и как раз по этому вопросу существует согласие современных авторов), что основа основ концепции социального контракта (пакта) у Руссо – это идея *суверенитета народа.* Сама по себе она тоже восходит к давним правовым, философско-правовым, социально-философским традициям, отношение к которым – одобрительное, но чаще критическое – Руссо нередко выражает в своих сочинениях. (Но и когда оценки не проговариваются прямо, современные авторы предпринимают специальные изыскания, стремясь доказать, что по крайней мере объективно есть связь между учением Руссо и более старыми концепциями[9].) В литературе справедливо подчеркивается, что Руссо в этой части своего учения подводит итог того движения социальной практики и теории, в ходе которого мыслители постепенно отказывались от когда-то типичных идей суверенитета верховных правителей (как правило, монархов) в пользу новаторского, радикального тезиса о суверенитете народа, ставшего одним из главных лозунгов будущей Великой французской революции, а в последующие века превратившегося в высочайшую ценность, от коей отправлялись при утверждении демократических порядков.

Следующая характеристика «le contrat (pacte) social» тоже имеет нормативно-сущностный характер. Руссо пишет – причем в главе, которая так и называется Du pacte social («О социальном пакте»): «Итак, *если мы устраним из pacte social то, что не составляет его сущности* (курсив мой. – *Н. М.*), то мы найдем, что он сводится к следующим положениям: *Каждый из нас передает в общее достояние и ставит под высшее руководство общей воли* (la suprême direction de la volonté général) *свою личность и все свои силы*, и в результате для всех нас вместе каждый член превращается в нераздельную часть целого» (161/80. Курсив – *Руссо*). Итак, смысл и следствие «социального пакта», в формулировке самого Руссо: «вместо частной личности,

[9] Так, современный французский исследователь Ж. Мэре считает: Руссо *объективно* выступает последователем автора XVI в. Ж. Бодена (1530–1596), который одним из первых разработал теорию суверенитета, апеллируя к праву, юриспруденции, философии, истории, к этнографии, к этнографическим описаниям, к лингвистике, теологии. «Новое у Руссо включается, когда он сохраняет боденовский принцип суверенитета, [в то же время] обосновывая мысль о народе как суверене» (*Mairet J.* Commentaire / *Rousseau J.-J.* Op. cit. P. 53, 54).

вступающей в отношения контракта, этот акт ассоциации производит составное целое (un corps… composé)…» (Ibidem – перевод исправлен). Несколько раньше Руссо по существу говорит о том, что «le pacte social» (он же – «le contrat social») в истинном смысле этого понятия подразумевает полное и добровольное «отчуждение» (l'alienation sans réserve), каждым отдельным человеком своей личности, своих сущностных сил в пользу того целого, которое могло бы и должно бы возникнуть в результате, если бы… подобный фундаментальный пакт, контракт имел место совершенно реально, как нечто единичное и четко зафиксированное.

По этому поводу – два замечания. Первое: напомним, что такого «идеального», «совершенного» социального контракта (-пакта) по смыслу концепции Руссо в истории не было и не будет никогда. Снова же *формулируется нечто чисто нормативное и совершенное*: «l'union est… parfait» (единение… является совершенным, образцовым»), создаются условия, полностью равные для всех (la condition est égale pour tous) и т. п. Второе, более частное терминологическое замечание: термин l'alienation у Руссо употребляется здесь в таком контексте (кажется, другого его употребления у философа не обнаруживается), что оно не тождественно выражаемому тем же словом термину и понятию «отчуждения» у более поздних философов (например, у Маркса и его последователей – Entfremdung, alienation). У последних он стал обозначать не некое нормативное, однако же *добровольное собирание сущностных сил людей в копилку обеспеченного «социальным контрактом» сотрудничества и согласия равных*, (*как l'alienation мыслил Руссо*), а напротив, сугубо недобровольную, чисто негативную и ничем не возмещаемую утрату индивидами их сущности, что – как считалось – происходило прежде всего в процессе труда, а затем распространялось на все сферы человеческой жизни. L'alienation, отчуждение себя, своих сил и своей сущности в пределах помысленного «le contrat social», по Руссо, подразумевает, напротив, *коллективное обретение и обогащение индивидами их общественно-гражданской сущности*, притом (повторю это) покоящееся все же на добровольной основе, и главное, на фундаментальных, строго взаимных соглашениях.

Другие – и тоже нормативные – черты жизни и поведения, постулируемые Руссо в рамках концепции социального контракта (пакта), можно, не вдаваясь в детали, обобщить следующим образом.

Речь идет (как в разных главах обсуждаемого труда, так и в других сочинениях Руссо) о нескольких существенных для отдельных

индивидов, а также для их объединений основаниях надёжного (sûr) обеспечения безопасности для жизни, прочности повседневного бытия – что относится к имуществу, участкам земли, а в случае нападений, предотвращения или смягчения других угроз, и к спасению самой жизни людей. Но и тут, при осмыслении (например, в главах VIII, IX I-й книги) подобных сюжетов, восходя к базовому «пакту» (le pacte fondemental – русский перевод словом «первоначальный пакт» – в историческом смысле – вряд ли адекватен) Руссо, с одной стороны, перечисляет немалые преимущества его заключения и следования ему. Они очерчены в их сути: равенство людей, [якобы] имеющееся в «естественном состоянии» (egalité naturelle), заменяется другим равенством, «моральным и легитимным», т. е. основанным на законах. И хотя способности и возможности отдельных людей различны, все они становятся равными «в результате соглашения и благодаря праву» (167/88).

Всё вроде правильно, потому что так *должно* быть, – и хорошо, если бы постулируемые обретения реально имели место. Но Руссо, повествуя об образцах и требованиях, понимает, что действительные отношения складываются иначе, а потому реалистически добавляет в сноске: «При дурных правлениях это равенство кажущееся и обманчивое: оно служит лишь для того, чтобы бедняка удерживать в его нищете, а за богачом сохранить все то, что он присвоил. На деле законы всегда приносят вред тем, у кого нет ничего; отсюда следует, что общественное состояние (l'état social) выгодно для людей, лишь поскольку они все чем-то обладают и поскольку ни у кого из них нет ничего излишнего» (167/88). Иными словами, в реальной жизни людей, т. е. фактически (dans le fait), равенство если и существовало когда-то, то было равенством крайней бедности. И тут ещё одна трудность: согласно теории Руссо, «le pacte (contrat) social» – это соглашение не только равных, но обязательно не крайне бедных людей. И конечно, не излишне богатых. Ни чрезмерной бедности, ни огромного, тем более кичливого богатства (крайностей, ставших характерными, скажем, для сегодняшней России) Руссо не одобрял. Не принимал ни своей душой простолюдина, ни умом теоретика, рекомендовавшего правителям не допускать крайностей, опасных разрушительными социальными бунтами. Но одно дело теория, другое дело – реальная практика... История пока, увы, не продемонстрировала – ни «вчера», ни «сегодня» – полностью убедительных примеров благополучного и длительного сглаживания крайностей... Тема обращения к реальности при обсуждении сути «le contrat (pacte) social» фундаментальнее и шире, нежели только что затронутый «имущественный» аспект.

«Le contrat (pacte) social» и реальное течение истории – есть ли узлы связи и в чем они?

Этот вопрос – один из самых трудных для Руссо и других защитников социально-контрактной теории. В ответах на него сломано множество полемических копий, что относится и к спорам вокруг разбираемого Трактата Руссо.

Один из заметных, острых пунктов и согласий, и размежеваний – проблема уже и самого различения «естественного» и «общественного» состояний (прямые французские эквиваленты – l'état de nature и l'état social). Не вдаваясь в весьма интересные детали истории идей (они неплохо освещены в литературе вопроса), обобщенно представим центральные пункты спора в типологическом ключе и обращаясь главным образом к текстам Руссо. Оставим в стороне вопрос о том, как в целом ряде произведений, например в трактате «Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (Часть вторая), он (подробно) обрисовывал переход от естественного состояния к общественному. Остановим внимание лишь на том, какую именно роль в этом – типологически, теоретически схваченном – процессе философ придавал «социальному контракту (пакту)». По этой группе вопросов (требующих для своего целостного рассмотрения опоры на современные социально-этнографические исследования и на их сравнение с соответствующими изысканиями XVIII века, которыми Руссо, кстати, живо интересовался) ограничусь двумя утверждениями. Первое из них: хорошо известная и активно обсуждаемая уже после появления вышеупомянутого трактата идеализация у Руссо первобытных этапов истории как эпохи «самой счастливой и самой продолжительной» (Там же. С. 78) вызвала вполне справедливую негативную реакцию современников («какая химера», воскликнул по сему поводу Вольтер, выражая распространенное мнение критиков). Вторая проблема: Руссо с самых первых шагов и до самого конца своего творчества уже и терминологически выключился из когорты тех историков и философов, которые начиная именно с его столетия стали вводить впоследствии устойчивые различения исторических стадий «варварства», «дикости» и «цивилизации».

Ненавистное ему понятие «цивилизации» Руссо не употреблял (в известных мне текстах). В согласии с французской литературой вопроса можно утверждать: Руссо вообще избегал использовать слово «цивилизация», хотя оно уже имело хождение в литературе, включая философскую (например, им пользовались Вольтер и Дидро; ещё раньше его употреблял Декарт).

Вместе с тем, в ряде случаев и Руссо фактически имеет в виду как раз то содержание, которое некоторые его современники и многие потомки называли «цивилизованностью» (пользуясь и соответствующими прилагательными). А вот Руссо употребляет (произведенные от древнегреческого «полис») слова: «policier» – там, где другие уже использовали глагол «цивилизовать» (civilisier) или прилагательное «poli» – на месте слова «цивилизованный» (civilisée)[10].

Теперь о моменте, быть может, самом существенном в нашем контексте: он связан с выяснением вопроса о том, насколько важны и часты в трактатах Руссо, посвященных противопоставлению естественного и социально-гражданского состояний, социально-контрактные аспекты. В «Рассуждении о происхождении и основаниях неравенства между людьми» Руссо так определяет свой типичный способ обращения к темам «le contrat (pacte) social»: «Не вдаваясь в сложные разыскания по вопросу о природе первоначального соглашения, лежащего в основе всякой власти, я ограничусь тем, что *следуя общему мнению*[11], буду здесь рассматривать создание Политического организма как подлинный договор между народом и правителями[12], по которому обе стороны обязуются соблюдать законы, в нем обусловленные и образующие связи их союза» (Там же. С. 90. Курсив мой. – *Н.М.*). Итак, согласно смыслу приведенного отрывка и тоже «следуя общему мнению», о «подлинном» социальном контракте (пакте) было принято говорить, как отмечалось ранее, выдвигая некоторые принципы и изначально постулируя их благотворное воздействие – во всех случаях, если и когда им следуют. И даже применительно к самой седой древности, согласно «общему мнению», считалось возможным говорить о контракте, пакте, но – снова очень важно – в самом принципиальном, а не в сколько-нибудь конкретном историческом смысле. Однако и при существовании относительно согласного

[10] В российских работах, посвященных Руссо, и в переводах его текстов можно встретить такие места, когда policiez, poli – неадекватно, вопреки отмеченной идиосинкразии Руссо – переводятся словами, производными от понятия «цивилизация». Поэтому читателям, не знающим оригинальных текстов, надо самим корректировать перевод соответственно сказанному.

[11] Согласно суждениям специалистов, под «общим мнением» имеются в виду идеи энциклопедистов по вопросу о будто бы продемонстрированной прошлой историей необходимости «реального» заключения «le contrat social».

[12] Вот видите, соглашение «между народом и правителями» Руссо здесь все же готов причислить к типу «le contrat social»...

«общего мнения» за рамками его многие авторы-теоретики высказывали сомнения в самой возможности заключения в седой древности некоего идеального, основанного на чистых принципах фундаментально-базового «социального контракта (пакта)».

Резонность сомнений и возражений не мог не признать и Руссо. Вот почему в его произведениях по существу встретились два вида рассуждений, конфронтирующих друг с другом. О первом уже говорилось – это изображение сферы «le contract (pacte) social» как вместилища абстрактно-нормативных, «чистых» принципов. Второй вид, противоположный первому, – это *занимающее бóльшую часть текстов Руссо* реалистическое фиксирование и осуждение, часто гневное, «неизбежных злоупотреблений», «отклонений» от заявленных образцов в реальной истории – начиная с древности и кончая современными мыслителю формами. (На фоне накопления новых форм и проявлений угнетения, все более резкого, контрастного неравенства, вырождающихся в крайние «безурядицы» и кровавые перевороты – см.: Там же. С. 95 – и складывалась склонность Руссо подчас романтизировать седую древность. Хотя бы потому, что она не знала всего разнообразия и всей изощренности видов и способов угнетения, явленных последующей историей). При этом Руссо, правда, не забывает добавить, но уже к концу трактата, о неравенстве, что положение складывается неоднозначное: неравенство, в естественном состоянии ничтожное, «усиливается и растет за счет развития наших способностей и успехов человеческого ума и становится, наконец, прочным и узаконенным в результате установления собственности и законов» (97–98).

Иными словами, если оставить в стороне спорный момент о древности как истории равенства счастливых якобы «людей, то все последующее историческое движение и для Руссо остается развитием на основе не просто неравенства, но смены одних (более простых) форм угнетения другими, более изощренными. Как же быть тогда с утверждением философа, что «le contrat (pacte) social» должен быть контрактом равных? Не означает ли это, что сам Руссо дезавуирует тезисы о реальной трансисторичной значимости «le contrat (pacte) social»? На мой взгляд, не означает. Чтобы доказать это, требуется вникнуть в причудливую парадоксальность проблемы, до сих пор недостаточно глубоко осмысленную историками мысли.

Согласуется ли и в чем согласуется теория «le contrat (pacte) social» с реальной историей прошлого и будущего?

Пытаясь ответить на эту часть вопросов о социально-контрактной теории Руссо, привлечем внимание к тем её составляющим, которые ближе всего, специфическим образом характеризуют именно *договорные, согласительные стороны и процедуры*. А ведь они, наряду с ранее раскрытыми чертами, принадлежат, согласно теории Руссо, к сердцевине «le contrat (pacte) social». Но и тут есть свои парадоксы. С одной стороны (о чем уже вскользь говорилось со ссылкой на тексты Руссо), без какого-то выражения согласия, без многих соглашений (conventions) – по идее – не может сложиться обширный, фундаментальный «социальный контракт, пакт», о котором ведет речь философ. С другой стороны, оказывается наиболее вероятным такой (по видимости) удручающий тезис: явный социальный пакт, «контракт между равными»... никто и никогда в истории не заключал, тем более не подписывал. И вряд ли положение изменится в будущем.

Среди тех философов, кто решительно оспаривал саму возможность реального заключения «социального контракта (пакта)» применительно к древнему обществу, был великий Кант (известный своим внимательным и почтительным отношением к Руссо). И. Кант, явно откликаясь на эту (спорную) сторону теории «социального контракта» и имея в виду известные ему тексты Руссо, пишет в своей «Метафизике нравов» (§ 52): «Искать *свидетельства истории* (Geschichtskunde) этого механизма *бесполезно*, т. е. добраться до начального периода общества граждан (der bürgerlichen Gesellschaft)[13] невозможно (ибо дикари не оставляют никакого документа относительно своего подчинения или неподчинения закону, и уже из самой природы первобытных людей можно сделать вывод, что они начинают здесь

[13] «Die bürgerliche Gesellschaft», *общество граждан* в немецкой терминологии (во французской руссоистского времени – lafsocieté civil) не следует путать с «гражданским обществом» (ныне в немецкой литературе для обозначения последнего все чаще употребляется термин «Zivilgesellschaft»), т. е. с более поздним понятием, означающим особые *негосударственные* ассоциации граждан, которые создаются с целью предъявления властям конкретных требований и претензий граждан, выражения специфических, различных частных интересов индивидов и их ассоциаций. (См. по этому вопросу: *Мотрошилова Н.В.* Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М.: Канон+, 2010. С. 383–413).

с насилия)»[14]. Все верно. Но мне кажется, возможность проверки теории социального контракта какими-то документами как реально-историческую, как фактическую, не предполагал и сам Руссо, что его, судя по всему, не удручало и не сбивало с мысли о её трансисторическом значении.

Ибо есть ещё один смысловой ракурс темы «le contrat (pacte) social», который мы пока подробно не обсуждали, но теперь примем в расчет специально. Он состоит, говоря тоже обобщенно, в следующем.

Имеется причудливое разнообразие форм выражения согласия (или несогласия) широких слоев населения земли и отдельных стран с существующим при их жизни социальным устройством, а также с договорами, пактами, соглашениями, как его закрепляющими, так и разрушающими. В целом же люди той или иной эпохи фактически ведут себя так, *как если бы* они «подписывали» некий пакт или, напротив, не соглашались засвидетельствовать его своим участием и своей поддержкой. Сказанное в определенной степени относится к занявшему многие десятки тысяч лет переходу от лишенного законов «негражданского» (по терминологии, привычной уже для XVIII века), «доцивилизованного», в другой терминологии, варварского этапа истории к обществу граждан (к цивилизации). Согласительные, договорные процедуры в условиях развитой цивилизации имели и имеют совершенно иной вид, чем в предшествующей, тем более отдаленной истории, *но и в рамках последней они существовали – более того, не могли не существовать*. Большое значение даже в седой древности имело формирование языка (языков), письменной или устной речи, одна из древнейших функций которых – не просто общение, коммуникация, но *порожденное жесткой жизненной нуждой стремление договориться*, на деле заключить соглашения, поначалу сугубо частные, краткосрочные, но потом все более устойчивые, относительно ряда совместных действий и – обязательно – их твердых правил. Соглашения способствовали закреплению «ролей» в труде, в общении, в регулировании растущего числа «технических», конкретных и общесоциальных правил, прародителей более поздних традиций, обычаев, включая запреты, табу, в древних обществах строго соблюдаемые.

Когда-то Кант, размышляя в ранних работах по поводу невозможности отыскать какие-либо документы древних обществ (например,

[14] *Kant I.* Metaphysische Anfangsgsgründe der Rechtslehre. Königsberg, 1797. S. 339.

обобщающие наблюдения за природными явлениями), предложил и в историко-генетических вопросах опираться на логические рассуждения о том, как все должно быть «по сути дела». Проблема, которую мы теперь обсуждаем применительно к древним обществам, именно такого рода. Ведь логика дела показывает: любые, даже самые простые человеческие действия, предполагающие участие немалого, тем более значительного числа индивидов, *принципиально невозможны* без предварительных договоренностей между ними, без их (добровольного, вынужденного или принудительно получаемого) согласия по целому ряду пунктов, что элементарно ясно и вряд ли требует дополнительных аргументов. *Ибо люди с седой древности и до сего дня повседневно осуществляют и всегда станут осуществлять множество подобных согласительно-договорных действий.* Несмотря на всю сложность теоретических рассуждений о структурах, процедурах «*как если бы*, «*als ob*»-*согласий*, последние – *более чем обычная, если не бытовая вещь во всех без исключения совместных действиях людей*, начиная с глубокой (но уже человеческой) древности, до сего дня и включая будущую историю. И об этом говорил великий Кант, рассуждая, в частности, о необычайном факте подвластности самых обыкновенных индивидов тому, что провозглашено (философами) как нечто необходимое сейчас или в будущем: «...мы должны поступать так, как если бы (als ob) было существующим то, чего, быть может, еще нет...» (Ibidem. S. 354). Тема весьма сложная и пока недостаточно разработанная[15]. Итак, нескончаемое количество поколений древних людей (с тех пор, когда они распрощались с животными или полуживотными формами бытия) – сознавая или не сознавая сей факт, просто подчиняясь сложившемуся состоянию (l'état) или делая это с какой-то мерой одобрения, согласия – жили и действовали так, *как если бы* они заключили и потом поддерживали, сохраняли в силе некоторый реальный и изначальный «социальный контракт (пакт)». И в этом плане Руссо прав, когда называет «le contrat (pacte) social» *фундаментальным* – также и в смысле: первоначальным – *соглашением*.

Но и о любом достаточно длительном и существенно однородном «социальном состоянии» (l'état social), имевшем место в истории,

[15] На этот «als ob аспект» теории общественного договора обратил внимание выдающийся отечественный философ В.С. Библер – причем в тексте, имевшем оправдавшееся название «Заметки впрок» (1967 г.). См.: *Библер В.С.* На гранях логики культуры. М., 1997. С. 356. Ещё раньше об этом писал И. Кант (см.: Metaphysische Anfangsgsgründe der Rechtslehre).

можно утверждать то же самое. Раз тот или иной, так или иначе определенный «социальный порядок» (l'ordre social) – в его главных, фундаментальных основаниях и в существенных частных особенностях – держится, не рушится, а на каких-то этапах даже содержит внутренние потенции дальнейшего развития, то это одновременно означает: его поддерживает, добровольным согласием или под угрозой применения силы, «необходимое» критическое число входящих в него граждан сменяющих друг друга поколений. И наоборот: как только сложившееся соотношение поддержки, согласия и несогласия (иногда осложняющееся другими фактами – как было в случае распада СССР) кардинально меняется, то «l'ordre social», социальный порядок, казавшийся прочным, если не незыблемым, постепенно или очень быстро рушится. Сказанное относится не только к современности.

Так, отношения рабовладения или феодальной зависимости держались до тех «пор» (и «пора» их агонии – в зависимости от условий отдельных стран – могла растягиваться на века или длиться десятилетия), пока имелась достаточно массовая историческая поддержка, фактическое согласие вовлеченных в эти социально-исторические системы контрагентов. Во всяком случае отсутствие серьёзных протестов и сопротивлений означает: одни «согласны» поддерживать, другие «согласны» терпеть сложившиеся порядки... Ровно то же относится к «социальным состояниям», условно именуемым буржуазным или социалистическим строем. С этой точки зрения возможности того, что именуется современным капитализмом (и при существовании периодических кризисов, ширящихся протестов граждан разных стран) представляются ещё не исчерпанными, поскольку «согласие» массы людей жить в рамках определенной суммы отношений пока существует.

«Согласия», о которых мы ведем речь, не только не исключают, но даже предполагают, несогласия, противоборства, иногда мощные и существенные. О мере согласий, как правило, трудно судить и на согласие сложно рассчитывать различным конкретным силам (и тем, что поддерживают данный социальный порядок, и тем, что борются против него) внутри сложившегося «состояния» и в исторические периоды, пока какая-то солидарность существует. Но *по историческому, так сказать, итогу* (а именно по нему только и можно судить о существовавшем или разрушающемся «le contrat, pacte, social») становится ясно: согласие с (как бы, als ob) имевшимся фундаментальным «пактом», т. е. с главными устоями того или иного состояния, порядка существовало (или пока ещё существует). Более того, мож-

но – но в основном «задним числом» (иногда только через столетия) – разглядеть времена прочности, полураспада и ухода данного l'état social с исторической сцены.

Если в свете сказанного взглянуть на историю, можно дать иной ответ на вопрос, заостренный марксистскими критиками учения уссо, например, В. Лениным. Последний по сути перечеркнул концепцию «le contrat (pacte) social» Руссо на следующем основании: Руссо понимал историю, включая её древние этапы, как деятельность людей, в какой-то мере осуществляемую ими осознанно, тогда как люди, по Ленину, творили историю лишь бессознательно (разумеется, считалось, что все изменилось с созреванием пролетариата и его партии, благодаря которым наступила-де эра сознательного исторического действия). На первый план выдвигался такой довод: люди не осознают *исторических последствий* своих действий. Довод небезосновательный, и на эту тему кое-что утвердительное можно найти и у Руссо. Но ведь у него в пределах обсуждаемой проблемы речь идет о более определенных действиях – о согласительно-договорных процедурах, в которых по определению нельзя участвовать, совсем не осознавая своих действий, прав и обязанностей, обретений и утрат. Далеко не все удалось открыть, расшифровать и великому Руссо: в его теории и в соответствующих сочинениях есть и более ясные, подтверждаемые, и нечетко выявленные, лишь смутно уловленные моменты. Вся концепция пронизана противоречиями, она подчас выражена через парадоксы.

Но вот тут – в связи с парадоксами, отчасти зафиксированными раньше, сформулирую свое твердое убеждение, вынесенное из разных этапов осмысления концепции Руссо: парадоксы, кажущиеся противоречия его концепции «le contrat (pacte) social» – это нередко *выражения реальных парадоксов самой истории*, поскольку в ней содержатся контрактно-договорные, согласительные процессы, процедуры, результаты.

Гениальность Руссо в этом вопросе, не уловленная в полной мере ни великими его почитателями, ни яростными критиками, состояла – полагаю – в следующем: через основной парадокс теории он выявил, вынес на осмысление, обсуждение один из важнейших действительных парадоксов самой человеческой истории. К сожалению, в таком ключе значение рассматриваемой руссоистской концепции сегодня почти не обсуждается в отечественной истории философии.

А в европейской историко-философской традиции можно найти немало теоретических выкладок, релевантность которых теории

«le contrat (pacte) social» Руссо бросается в глаза. Вспомним, что Гегель (и его современники) глубоко осмысливали такую всеобщую структуру сознания людей, которую они пометили словом «Anerkennung», признание. Гегель анализировал «Anerkennung» еще в ранних (иенских) произведениях, а в общей форме – в «Феноменологии духа» в контексте отношения «господина» и «раба» (каковое он верно трактует не как простую зарисовку отношений исторического рабовладения, но как модель определенного, уже трансисторического типа отношений господства и подчинения). Гегель основательно проанализировал такой, например, момент, релятивный теме нашего разговора: не только господин принуждает раба к беспрекословному и полному подчинению, но и раб постольку и до тех пор остается рабом, пока и поскольку «признает», соглашается признать себя рабом, а другого человека – своим господином.

У раба всегда остается, по Гегелю, возможность выразить несогласие, разорвать круг, что в условиях рабовладения означает: раб – если он протестует против самой сути сложившихся отношений – рискует самой жизнью и тогда сознательно идет на смерть. Иными словами, имеется нечто взаимно и все же сознательно признаваемое, на другом языке – согласительно-договорное als ob, даже в самых принудительных, жестких типах отношений людей в истории. И пока сумма согласий (все равно как выражаемых и совсем не обязательно воплощаемых в обсужденных, записанных «les pactes social») все-таки перевешивает несогласия, социальное состояние и особый социальный порядок (l'ordre social) сохраняет в истории свою длительность и историческую устойчивость.

Если это так, позволительно сделать общий вывод: *руссоистский «le contrat (pacte) social» – не выдумка, не химера, не бессильный идеал, а отражение в нормативном теоретическом понятии также и отдельных реальных черт исторического бытия в его динамике, в его противоречиях.*

Отдельные соглашения (convetions) и их социальная роль

В свете сказанного можно увидеть в историческом развитии стадии, ступени движения в направлении более полного, сознательного отношения к тому, что Руссо называет «le contrat (pacte) social». Хотя, как отмечалось, даже наиболее значимые в истории пакты, договоры

(conventions) ни в сумме, ни тем более по отдельности не равны «le contrat (pacte) social» и даже не могут служить его примерами, все же «les conventions» – как вехи, без которых не было бы исторического движения к этой важной цели. Пользуясь терминологией XX века, «социальный контракт (пакт)» и соглашения (конвенции) можно различить как «*нормы-цели*» и «*нормы-рамки*»[16]. В то время как теория «le contrat (pacte) social» задает – на длительное историческое время – *нормы-цели*, «конвенции» (les conventions) наиболее значимых видов и форм определяют достаточно влиятельные *нормы-рамки* для более конкретных, хотя и обширных социальных сфер и отношений.

Такими крупными договорами, конвенциями можно считать следующие их основные формы.

• На долгое время (иногда – на века) принимаются основные законы (*конституции*) государств.

• Время от времени создаются документы и декларации трансисторического значения (типа «Декларации о правах человека и гражданина»).

• На протяжении истории принимаются *международные соглашения, декларации*, из которых особенно важны те, которые хотя бы в основе остаются прочными и долговременными (правда, и они могут подправляться, дополняться).

• *Международные организации*, в немалом количестве возникавшие в XX веке, *принимают уставы* и *декларируют свои принципы* в сумме основоположных документов, сохраняющих смысл, пока и поскольку существуют и действуют сами эти организации (ООН, ЮНЕСКО и др.).

• В истории отдельных стран и народов накапливаются те (подчас именно договорные) документы, которые формулируют – всякий раз на исторически конкретном языке – цели, ценности, устремления этих народов, затем хранящиеся в их исторической памяти страны как навсегда причастные к завоеванию в ней прав и свобод человека (от английской Великой хартии вольностей до Декларации независимости США).

Мы говорим здесь о подобных документах потому, что они всякий раз суть результаты достаточно основательной исторической работы по предварительному обсуждению, согласованию их принципов

[16] В отечественной литературе обоснования этого важного различения дал в своих работах 70–80-х гг. XX в. Ю.А. Замошкин, опираясь на исследования американских социологов.

и конкретного содержания, по сбору противоположных мнений и возражений, по хотя бы частичному учету наиболее резонных из них. Кроме всего прочего, у них всегда есть авторы, и индивидуальные, и коллективные (их имена иногда хранит история). Отдельная группа соглашений, деклараций, особенно нормативно-обязывающих, – договаривающиеся стороны, именно такие, под которыми должны стоять именные подписи (глав государств, лидеров договаривающихся социальных сил, партий и т. д.).

Соблюдаются ли в таких случаях те два основных условия «le contrat (pacte) social», о которых мы говорили, ссылаясь на тексты Руссо? Они должны быть заключены во всяком случае от имени и с согласия народов-суверенов и должны быть пактами, которые заключены сторонами, равными друг другу. По форме во многих актах подобного рода говорится о воле народа-суверена, которую якобы и выполняют его представители. *Однако на деле сколько-нибудь точного опроса общенародной воли никогда и нигде не бывает.* Во-первых, трудно представить себе, что в пользу заключенных пактов, хотя бы и долговременных, народы действительно имели и имеют возможность высказаться (при условии, тоже нереальном, что хотя бы большинство народа в таких случаях знает о них и имеет свое мнение). Если речь идет о «представителях народа», которые высказываются и действуют от его имени, то они куда как часто бывали и бывают далеки от общенародных мнений и чаяний, а выражают интересы тех или иных социальных сил, в каждый данный момент действующих на арене истории. Да и договорившихся стран, сторон, которые можно было бы считать полностью «равными» друг другу, в реальной истории отдельных стран и в международной жизни, как правило, не бывает. Пусть на словах участники разнообразных конвенций выступают как «равные» (например, в наше время в делах ООН), но реально и фактически какие-то страны и их блоки становятся – как у Оруэлла – «более равными», чем другие...

Вот почему, в частности, Руссо и отказал даже самым значительным конвенциям в праве как бы презенировать «le contrat (pacte) social» – и вообще *строго терминологически отличил этот последний от «les conventions».* Но сказанное не отменяет того, опять-таки парадоксального факта, что конвенции (при их конкретном, частном характере) в составе учения Руссо не оказались оторванными от «le contrat (pacte) social», а тоже по существу стали подтверждением постоянно возрастающего исторического значения договорно-контрактных тенденций самого различного формата. Поэтому как раз в тех кон-

текстах, когда Руссо хочет доказать силу, действенность, возрастающее значение социально-контрактных структур, процедур, он берет «le contrat (pacte) social» в единстве с «конвенциями» – и не только с ними, но и с другими важнейшими социальными формами и структурами, в которых мыслитель вполне *оправданно высвечивает социально-договорные стороны*. Сказанное относится к таким формам, как законы вместе со всей многообразной деятельностью по их подготовке, одобрению, принятию и последующему действованию массы людей уже на основе данных законов. Мы не можем здесь подробно обсуждать эту тему, пусть одну из центральных в Трактате. Отметим лишь легислативные идеи Руссо, «работающие» на концепцию «le contrat pacte social».

По Руссо, законы, подготавливаемые или уже принятые, особенно большие своды законов, всегда включают в себя те или иные договорно-согласительные аспекты. Ведь за каждым уже установленным законом и тем более за их сводом стоят предварительные акты, процедуры обсуждения, достижения хотя бы относительного согласия между законодателями и народом, иногда целыми его поколениями. Наиболее успешные, долговременные законы, пишет Руссо, «удерживают народ в верности духу его институций и незаметно заменяют силой привычки силу власти. Я разумею нравы, обычаи, и *особенно мнение [народа]* – области, неведомые нашим политикам...» (Ibid. P. 123. Курсив мой. – *Н.М.*) Они открываются разве что «великому Законодателю», который по видимости трудится над «частными урегулированиями» (réglements particuliers), но на деле и они способствуют складыванию «нравов», скрепляющих общенародную жизнь.

В каждом крупном историческом шаге развития того или иного народа, уверен Руссо, реализуются и накапливаются, пусть очень медленно, договорно-согласительные потенции, затем на века определяющие жизнь народа, а в потенции – и жизнь человечества. Это же можно сказать об отдельных формах и процедурах, если в них участвуют заметные массы народа. Так, любое избрание (все равно – короля во времена Руссо или президентов в наше время) можно трактовать, следуя духу концепции Руссо, и с точки зрения выражения мнения больших масс людей. «В самом деле, не будь предшествующего соглашения, откуда бы взялось – если только избрание не было единодушно – обязательство для меньшинства подчиниться выбору большинства... Закон большинства голосов сам по себе устанавливается в результате соглашения (de conventions) и предполагает,

по меньшей мере единожды, – единодушие» (160/78). (Правда, всегда остается вопрос, особенно актуальный для современности: по закону ли, «чисто» ли проведены выборы, референдумы, опросы и подсчитаны их результаты.)

Важнейшая сторона рассуждений Руссо, тоже подкрепляющая их актуальность, – акцентирование *морально-ценностной природы* установления согласий, хотя бы временных и частных, и следования им. Так, Руссо постоянно вплетает и в конкретные осмысление социальных процессов, и в анализ более общих тенденций общественного развития – включая проблемы «социального контракта (пакта)» и конвенций – *фундаментальную философскую тему справедливости (justice), моральности.* В главе VIII книги I Трактата, озаглавленной «О гражданском состоянии» (De l'état civil), он пишет: «Этот переход от состояния естественного (l'état de nature) к состоянию гражданскому производит в человеке весьма приметную перемену, заменяя в его поведении инстинкт справедливости (la justice à l'instinct) и придавая его действиям моральность (la moralité), которой они ранее были лишены»[17] (164/84. Перевод уточнен. – *Н. М.*). Почему речь здесь идёт о «моральности»? По Руссо, в «гражданском состоянии» (напомним: уже после какого-то воздействия принципов «le contrat, pacte social») «голос долга» (la voix du devoir) сменяет господство физических импульсов, а право сдерживает побуждения чисто плотского характера (l'appetit). Человек начинает все больше «советоваться с разумом» и подчас, под влиянием его велений, уже не следует своим непосредственным побуждениям и страстям.

Намеченную тему – страстную и талантливую агитацию Руссо в пользу следования «le contrat (pacte) social», с обрисовыванием преимуществ «гражданского состояния» и без всякого замалчивания его существенных издержек, противоречий и даже больших бедствий – можно обсуждать до бесконечности, ибо Трактат дает здесь бездну материала. Но в данной статье ограничимся сказанным.

[17] Современные исследователи правильно отмечают, что здесь у Руссо речь идет о «моральности» (фр. moralité, нем. Moralität – не путать с «нравственностью», нем. Sittlichkeit, как сделали переводчики), но в смысле «*объективной*» моральности (что наблюдается уже в «Рассуждении о происхождении и основаниях неравенства»). Вот почему Руссо далее в той же главе говорит о необходимости проводить различие между «естественной свободой» (*liberté naturelle*) и «*гражданской* свободой» (*liberté civil*), которая имеет место в случае формирования общей воли (см.: *Maizet G.* Notes / *Rousseau J.-J.* P. 274–275).

Заключение
Так в чем же «удивительная актуальность» теории «le contrat (pacte) social» Руссо для наших дней?

Прежде всего наша эпоха объективно подтверждает правоту Руссо даже в тех смысловых тезисах, которые дружно оспаривали его современники и близкие по исторической дистанции теоретические потомки. Снова вернемся к ранее обсужденному вопросу о жизненной укороченности самых абстрактных, нормативных рассуждений о нигде якобы не имевшем место и тем не менее центральном для истории «le contrat social». В духе современных пониманий концепции Руссо можно было бы и в данном контексте возразить критикам примерно так, как сам Руссо оспаривал идеи Г. Гроция по вопросу о власти: Гроций «слишком прав в отношении действительного положения вещей; но речь идёт о том, *как должно быть в согласии со справедливостью*»[18]. (Бегло отметим: весьма популярное сегодня в жизненном мире, в политике, в публичных дискуссиях понятие справедливости, justice, тоже объективно восходит к понятийному оснащению текстов Руссо.)

Но потребовалось достаточное время, чтобы в социальной мысли была глубоко и адекватно осознана специфика разбираемой концепции и было понято, что относительно таких качеств как определение характера отношений между людьми, понятых в «согласии со справедливостью», т. е. в своих принципиальных тезисах о «дóлжном», Руссо во многом оказался не праздным мечтателем, а настоящим пророком.

Далее, нынешнее время – в силу ряда крупных исторических подвижек – существенно, на целые порядки цифр, повысило масштаб и значимость целой семьи тесно связанных друг с другом видов соглашений (conventions). Если в прежней, в том числе древней истории, значимые соглашения заключались все же не повседневной и по большей части не в явной, осознанной, тем более фиксированной форме, если в эпоху Руссо они не поражали воображение, то современную социальную реальность характеризует следующий бесспорный факт: *в мире в каждую данную минуту заключаются и действуют миллионы (о числе можно спорить) соглашений*, в которые большинство контрагентов вступает вполне сознательно; они также приобретают форму, так или иначе объективированную и закрепленную в соответствующих документах. Можно говорить о разветвленной и специально подготавливаемой армии специалистов (юристов, экономистов, бизнесменов, чинов-

[18] *Руссо Ж.-Ж.* Цитир. произв. С. 325 (1-й набросок «Об общественном договоре», глава VI).

ников), специально занятых контрактами разного рода. Конечно, и сегодня ни один из единичных договорных документов, ни какую-либо их «образцовую» сумму нельзя, как и прежде, отождествить с «le contrat (pacte) social» в смысле Руссо. Но массовидная роль контрактно-договорных процессов в современном обществе столь очевидна, что оправданно утверждать: актуальность руссоистских подходов по вопросу о «les conventions» тоже неизмеримо возросла.

В этом пункте, не вдаваясь в детали, хочу напомнить: Руссо велик не только в своих общесоциальных изысканиях типа теории «le contrat (pacte) social», но и в тех конкретных анализах, в которых он продемонстрировал потрясающее знание реальной жизни современных ему общественных организмов. Пример – знаменитые «Письма с горы», в нашем контексте интересные тем, сколь точен и прозорлив философско-политический, философско-правовой взгляд Руссо в случае разбора множества конкретных конвенций, заключенных между реальными политическими силами, институциями женевской общины в историческом ходе её существования. Не менее важно иметь в виду, что от таких (скажем на современном языке) «case studies» тянутся нити к общей социально-контрактной теории Руссо, подтверждая её укорененность в реальных процессах социального взаимодействия людей.

Обращаясь к сфере сегодня так разветвленных (и не только в демократических странах) *политических* процессов, дебатов, мы и здесь наталкиваемся на (несоизмеримо с прошлым) возросшее количество контрактов, соглашений, пактов о взаимодействии партий, других организаций, соглашений между партиями правящих коалиций, между ними – и оппозициями и т. п. Правда, эта сфера даже в самых политически цивилизованных странах не внушает народам особого доверия к договорно-согласительным процессам в политике, которые очень часто практически выстраиваются по типу: «когда договариваемся – против кого враждуем?». Но весьма показателен язык политических документов: в них постоянно говорится о «воле народа», об «интересах народа» и т. д. И это – не простая маскировка, а тоже нормативное социальное явление современности, подкрепляющее историческую прозорливость Руссо. Ибо необходимость в политике ориентироваться на согласие все бóльших масс народа, уловленная Руссо и другими мыслителями в XVIII веке, неизмеримо шире и важнее в наше время, притом не только в странах, которые считают себя и в какой-то мере являются демократическими. Любой современный правитель – и даже внутри режимов, тяготеющих к тоталитаризму, знает: надо постоянно держать руку на пульсе «мнения народного».

(Ведь даже поражающая нас тоталитарная реальность режима Северной Кореи – пока – опирается на солидарную, «воспитанную» режимом народную поддержку). В западных же странах повседневная бытовая деталь – еженедельный, если не более частый, подсчет рейтингов, т. е. популярности, ведущих партий и политиков.

В обсуждаемой сфере согласительных договорно-контрактных процедур особое значение приобретают явления, которых в сегодняшних масштабах не было ещё и в первой половине XX века. А они тем не менее имеют отношение к коренным темам и понятиям теории Руссо – к выяснению мнений широких слоев народа, к трудным поискам общенародного согласия, словом, к знаменитой теме «la volonté général», общенародной воли, т. е. собственно *к выявлению и осуществлению интересов народа как целого*, который, напомним, у Руссо считается единственным субъектом, участие (или непричастность) которого к каким-либо «контрактам», «пактам» определяет, идет или не идет речь о близости к «le contrat (pacte) social». Но как всегда у Руссо, и здесь в рамках его теории зарисовываются трудности и парадоксы, более чем реальные.

Возможно ли и как возможно, по Руссо, добиваться общенародной поддержки?

Ответ Руссо: это очень трудно, но возможно, более того, согласия народа с теми или иными серьезными решениями добиваться необходимо, делая это постоянно, настойчиво, имея в виду и преодолевая некоторые (типологически фиксируемые) затруднения. Почему это выгодно народу, вполне очевидно. Но подобная поддержка нужна и власти, управленческим структурам, ибо делает их более прочными и легитимными.

Теперь о затруднениях на пути выявления общенародных мнений. Их, по Руссо, следует выявить с максимальной точностью, чтобы терпеливо и постоянно преодолевать неизбежные трудности. Руссо, как известно, требует опираться на «общенародную волю» (la volonte général), постоянно «опрашивая» её. К сегодняшнему времени выработаны незнакомые прошлому методы и созданы специальные институты, призванные и в принципе способные проводить опросы «общественного мнения» в невиданных ранее масштабах. Отвлечемся здесь от перечисления пока имеющихся и в этих областях несовершенств. Скажем о главном: оно состоит даже не в объективности и точности опросов, а в особенностях самой народной воли. Руссо, и справедливо, требует задуматься над таким вопросом: «Может ли общая воля

заблуждаться?» (Si la volonté générale peut errer?) Ответ мыслителя и здесь простой, реалистический: при том, что у общей воли есть некоторая тенденция – стремиться к пользе широких слоев народа (она «tend toujours a l'utilité publique» – глава 2, 3), «общая воля» часто бывает весьма ненадежной. Ибо «"решения народа[19]" – по Руссо – не всегда имеют верное направление (rectitude)». Почему?

Есть своего рода общая закономерность, о которой Руссо, как всегда, говорит лапидарно афористично и близко к «тексту» самой жизни: «Люди всегда стремятся[20] к своему благу, но не всегда видят, в чем оно» (С. 170). Руссо, что постоянно обсуждалось в литературе, в том числе философской, акцентировал различие между «общей волей» и «волей всех» (la volonté de tous и la volonté général)[21]. А это в свою очередь означает необходимость такого согласования частных интересов, которое (по идее Руссо и по логике дела) должно предшествовать непосредственному выражению «общей воли» и реально состоит в ее формировании.

Руссо предлагает достаточно простой способ реагирования на (максимально объективное) опрашивание мнений (сегодня последнее – процедурно возможная вещь): надо отбросить «из этих изъявлений воли взаимно уничтожающиеся крайности (qui s'entre-détrouisent)», сложить то, что останется – и получится-де «общая воля». Можно ли было в прошлом и можно ли сегодня воспользоваться советом Руссо в конкретной жизни общества, в управлении им? Идея «отбрасывания крайностей» была и остается достаточно популярной в практике управления. Однако сегодня, в эпоху интернета и «успешности», излюбленности среди его пользователей как раз наиболее броских крайностей, способных разрастись в грозную силу, возможность простого «отбрасывания» крайних суждений становится все менее продуктивной.

Ещё одно препятствие на пути к формированию и выражению «общей воли» Руссо видит в том, что существуют, не могут не существовать «частичные ассоциации» (les associations partielle), которые

---

[19] Здесь в оригинале – слово «les déliberation», которое значит больше, чем «решения»; оно подразумевает такие решения, коим предшествуют обсуждения, достаточно широкие и полемичные.

[20] В оригинале – «on veut toujour son bien», что заставляет уточнить имеющийся перевод первой части фразы: люди всегда *хотят, желают* своего блага; это ещё не значит, что они к нему действительно устремляются, как получается согласно переводу.

[21] См.: *Длугач Т.Б.* Подвиг здравого смысла. М.: Канон+, 2008. С. 300.

неизменно препятствуют достижению общего и тем более *всеобщего* согласия. Реальная опасность, по Руссо, состоит в том, что всегда есть возможность (и их часто являет история) перерастания каких-либо «частных ассоциаций» в господствующие или в их претензиях на господство. И опять-таки это всегда, в том числе в наше время, остается более чем актуальным, реалистическим предупреждением (например, когда речь идет о наступившей или грозящей диктатуре одной партии, о навязанном обществу господстве одной идеологии, претендующей на «единственно верное» выражение воли и интересов народа, на замещение своими *частными* действиями, идеями, мнениями *общенародной* воли). Что мыслитель рекомендует делать в таких состоявшихся случаях или для предупреждения подобных поползновений? Предложение Руссо противоречиво. Наилучшим решением он считал бы такое, когда бы в государстве не было допущено никаких «частичных сообществ» (la société partielle) и чтобы «каждый гражданин высказывал *только свое мнение*» (que chaque citogen n'opine que d'après lui) (С. 171). Но поскольку эти идеалы общества без «частичных» ассоциаций неисполнимы, Руссо видит выход все же *в увеличении числа ассоциаций и в предупреждении их неравенства.*

«Le contrat (pacte) social» и будущее цивилизации

Эта формулировка – не-руссоистская из-за отмеченной идеасинкразии Руссо по отношению к самому термину «цивилизация». Но тема, по моему мнению, в значительной степени отвечает замыслам и сути его рассматриваемой теории. Ибо в её центре – общенародная воля, всеобщий интерес, солидарность, равенство, т. е. все то, что не может замыкаться в рамки особого и частного, противопоставляемым этим всеобщим ценностям. Мы живем в эпоху, в которую, как никогда в истории, требуются соглашения и согласие всего человечества. Смысл «la voilonté général» сегодня должен пониматься так: это не только принципиально значимая *общая* воля какого-то одного народа (пусть и весьма достойного, пусть и обобщенная точно и объективно), а воля народ*ов*, воля мирового сообщества. Ибо на что-то иное глобальное сообщество уже не согласится и, к несчастью, какая-то часть сумеет выразить своё несогласие средствами, далекими от цивилизованности, вплоть до разрушительных военных действий. Перед лицом кризисов, смертельных опасностей, грозящих *всей* человеческой цивилизации и *самому существованию человечества на планете Земля*, – необходим *всечеловеческий, общецивилизационный «le contrat (pacte) social»*, почти в том виде, как его задумал Руссо. «Почти» сказано потому, что даже этот великий

мыслитель и провидец не прозревал, сколь изменится мир через века после появления его знаменитого Трактата.

История уже подвела черту под теми периодами исторического развития, когда людям могло казаться: лучшее соглашение – такое, которое отвечает лишь *частным* интересам, все равно, отдельных индивидов, стран или блоков; наилучшие правители – те, которые при заключении согласительных пактов умеют отстоять интересы *своих* народов, невзирая на то, что интересы и чаяния народов других стран ущемлены или попраны. История в наши дни как бы поместила всех людей и все народы на один корабль, который под бурными ветрами современности может спастись и плыть дальше только при совместности, согласованности, всеобщей солидарности решений, действий, стратегий. В обеспечении чего ведь и состоял главный пафос теории «le contrat (pacte) social» Руссо.

Но пока в мире современной цивилизации господствует иная стратегия, соответственно доминированию губительной идеологии – «каждый за себя», «жизнь и успех каждого – за счет другого». Однако дальнейшее развитие человечества чем дальше тем чаще и глубже блокируется этой идеологией, отсутствием «le volonté général» как всеобщей цивилизационной воли. Ибо под вопрос поставлено само существование человечества и человеческой цивилизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Kant I. Metaphysische Anfangsgsgründe der Rechtslehre. Königsberg, 1797.

Leroy M. Histoire es idées social en France. P., 1946.

Rousseau J.-J. Du contrat social ou Principles du droit politique / Introduction, commentaires et notes par *Gérard Mairet*. Paris: Librairie Générale française, 1996 (repr. 2011).

Библер В.С. На гранях логики культуры. М., 1997.

Большой французско-русский и русско-французский словарь. М.: Дом славянской книги, 2010.

Длугач Т.Б. Подвиг здравого смысла. М.: Канон+, 2008.

Лотман Ю.М. Руссо и русская культура XVIII – начала XIX веков // *Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 555–604.

Мотрошилова Н.В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М.: Канон+, 2010.

Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969 (Серия «Литературные памятники»).